

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1125-1139
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1125

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Konstantin Pavlovich Romanov and Poland: Missed Opportunities

Elena I. Mayorova ^a, Rosalina V. Shagieva ^{a, *}, Yucel Ogurlu ^b, Valery V. Romanov ^c

^a State University of Management, Moscow, Russian Federation

^b Istanbul Commerce University, Istanbul, Turkey

^c Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to a rather important area of relations between the Russian Empire and the Kingdom of Poland over a rather long period – the end of the 18th – the beginning of the 19th centuries, filled with fateful events that determined the negative context of these relations for the next centuries. The authors set the goal of creating a scientific model of such a variant of historical development, in which the reality of the possible influence of Grand Duke Konstantin Pavlovich Romanov on changing the vector of coexistence between Russia and Poland is hypothetically assessed. The main milestones in the life and character traits of this historical figure are analyzed in the context of possible alternatives to his activities before and during his 15-year stay in Poland. Despite the underestimation and even denial of the role of the individual in history by some experts, the qualities inherent in rulers who make fateful decisions that determine the fate of their subjects are of considerable importance. This is clearly seen in the example of the fate and activities of the hero of the article. The author's vision of the person of Tsesarevich Konstantin Pavlovich as a bright and popular personality (it was not for nothing that several False Konstantins appeared after his death) shows that historical science underestimated the power of influence of his character traits on the fate of the Polish state. To substantiate the assumption, the methods of source study, historical and logical analysis and synthesis are used, which made it possible to consider the relationship between the Poland he ruled and the Russian Empire from the point of view of the individual qualities of the governor. The source base includes both classical studies of this issue (S. M. Solovyov), memoirs and memoirs, as well as modern research (Stegniy P. V. and others). The methods of historical retrospection, chronological and problem-analytical approaches make it possible to model the likelihood of an alternative history: smoothing out the contradictions between the two Slavic countries and returning independence to Poland.

Keywords: the Russian Empire, the Commonwealth, Empress Catherine 2, conspiracy, the murder of Paul 1, Tsarevich Konstantin, debauchery, divisions of Poland, Polish gentry constitution.

1. Введение

Несмотря на преуменьшение, а то и отрицание некоторыми специалистами роли личности в истории, качества, имманентно присущие правителям, стоящим у власти, принимающим судьбоносные решения, определяющим участь подданных, имеют значение. Это хорошо просматривается на примере судьбы и деятельности цесаревича Константина Павловича, авторское видение персоны которого как яркой и популярной личности (недаром после его кончины появилось несколько Лже-Константинов) показывает, что историческая наука недооценила силу влияния ее особенностей на судьбы польского государства. Политические явления, исторические события совершаются в немалой степени человеческой волей, человеческими страстями, питаются явными и

* Corresponding author

E-mail addresses: shagsas@mail.ru (R.V. Shagieva), troloo3@mail.ru (E.I. Mayorova), yogurlu@ticaret.edu.tr (Y. Ogurlu), wvr@bk.ru (V.V. Romanov)

сокровенными побуждениями участников. Реальность всегда переплетена куда более прочными нитями человеческих судеб, чем это кажется на первый взгляд. Обладая цесаревич другими качествами характера – решительностью, твердостью, последовательностью, дипломатичностью – он мог бы сохранить относительную независимость Польши, ее конституционное устройство, традиционную выборность верховного правителя, направить развитие страны в русло европейских демократических ценностей с тем, чтобы они эволюционным путем были восприняты и впитаны обществом российским.

Проблема взаимоотношений личности и власти не теряет своей актуальности и продолжает вызывать закономерный интерес у исследователей. Изучение основных вех жизни и особенностей личности великого князя Константина Павловича Романова позволяет в оригинальном историческом контексте раскрыть механизмы взаимоотношений управляемой им Польши и Российской империи. К несчастью, этот представитель дома Романовых не слишком подходил на роль миротворца и устроителя вековых взаимных обид, унижений и попрания прав. Целью статьи выступает рассмотрение характера и обстоятельств жизни великого князя Константина Павловича Романова как предпосылки неудачи очередной попытки сглаживания противоречий и разногласий между Россией и Польшей, а также исторических причин того, что возможность примирения двух славянских народов в очередной раз была упущена.

2. Материалы и методы

Методической базой работы, осуществленной на основе историко-библиографического анализа ряда опубликованных воспоминаний и мемуаров отечественных и зарубежных современников о цесаревиче Константине Павловиче (А.А. Бестужев-Марлинский, княгиня В.Н. Головина, князь П.А. Вяземский, граф Е.Ф. Комаровский, К. Массон, В.И. Штейнгель и др.), а также – на основе критически-аналитического осмысления работ российских авторов, посвященных социально-политическим условиям конца XVIII – начала XIX веков, послужили принципы историзма, научной объективности и достоверности. Как приемы историко-политического исследования использовались ретроспективный, иллюстративный, персонально-биографический методы, а также метод исторической реконструкции. Методом научного синтеза, двигаясь от конкретного к абстрактному, исходя из общих посылок, в т. ч. гипотетического характера, авторы из имеющихся прекурсоров посредством сложного их соединения, объединяя многообразие в единство, диалектически достигли нового знания. С помощью аксиоматического научного подхода не только путем компиляции, эклектики, механического совмещения исходных элементов («научных прекурсоров») в работе осуществлен переход от известного к неизвестному и получен сложный новый продукт. Опираясь на общепризнанные научные теории относительно предмета исследования, авторы сформировали собственное видение рассматриваемой проблемы.

3. Обсуждение

Анализом исторических событий, в которые были вовлечены главные действующие лица данного исследования, занимались и занимаются многие ученые. Однако роль цесаревича Константина Павловича Романова в этих событиях рассматривается как второстепенная. Этот представитель российского царствующего дома, видимо, в связи с тем, что находился в тени царственного старшего брата, так и не получил никакого престола, не удостоился и монографических исследований. Наиболее известное его жизнеописание принадлежит русскому писателю и историку Е.П. Карновичу ([Карнович, 1899: 51-173](#)). Великий князь Константин упоминается в русских и иностранных биографических словарях; воспоминания о нем, в основном негативного характера, встречаются в мемуарах ряда придворных, декабристов ([Головина, 1900: 145-156](#); [Давыдов, 1999: 450-465](#); [Штейнгель, 1985: 148-209](#)). В наше время исследованию его личности и жизненного пути посвятили свои работы О.С. Каштанова ([Каштанова, 2000: 48-134](#)) и М.А. Кучерская ([Кучерская, 2005: 39-78](#)). Во второй работе в условиях дефицита фактического материала повествование дополнено анекдотами, слухами и куплетами.

В отечественной литературе эволюция поведения великого князя Константина в Польше не изучалась. Но польские историки ([Czynski, Demoliere, 1833: 156-167](#); [Pienkos, 1987: 65-89](#)) не могли обойти этот вопрос: с именем цесаревича связан 15-летний период в истории их родины и восстание 1830 года.

Однако до сих пор в различных ретроспективных контекстах мало внимания обращалось на то, какую роль во всем происходящем в то время в России и в Европе могли сыграть (и сыграли ли?) личностные качества героя. Константин Павлович Романов в силу своего происхождения оказался в гуще судьбоносных событий конца XVIII – начала XIX вв. Уместно вспомнить, что в период царствования Петра I внешнеполитические экспансионистские цели России включали, наряду с северо-западным направлением, колонизацию огромной территории до самого Черного и Каспийского морей с целью трансформации России в морскую и торговую державу. Экспансия Правобережной Украины, принадлежавшей в то время Речи Посполитой, являлась важнейшим

направлением российской внешней политики. Можно сказать, что Петр заложил основу средиземноморской дипломатии императрицы Екатерины II (Sanin, 2015: 229-230).

Когда Королевство Польское в 1654 г. подверглось нападению со стороны Российской империи с востока и Швеции с севера, Османская империя силами крымских татар поддержала поляков. Такая ситуация продолжалась до 1669 г., затем конфронтация Польши и Российской империи несколько ослабела (Ogurlu, 2022). Со времени Карловицкого мира 1699 г., в результате которого России не удалось получить Керченский пролив, турецкая угроза постепенно трансформировалась в Восточный вопрос.

Были восстановлены дипломатические связи с Турцией. Россия получила право иметь постоянного посла в Высокой Порте: первым русским послом в Константинополе в 1702 г. стал Петр Толстой (Yinanç, 2012: 29)

При Екатерине Великой, следовавшей для расширения своего влияния на Польшу стратегии Петра I, польские земли, несмотря на сопротивление патриотов, были разделены между Российской империей, Габсбургской монархией и Пруссией королевством (Ogurlu, 2022). Во второй половине правления императрица основывала польскую политику на «миссионерстве» и философии «Москва – третий Рим». Она способствовала признанию свободы вероисповедания и богослужения: не католикам открылся доступ ко всем должностям Речи Посполитой. Православие использовалось Екатериной как политический инструмент для легитимации политики раздела Польши в 1772 г. (Walicki, 2013: 37).

Династическая политика императрицы основывалась на наличии у короны наследников мужского пола, четырех внуков императрицы, «принцев крови». Им предназначалась роль правителей православных государств, которых пока не существовало, но в перспективе возникновение их было возможно и желательно. Особенности характеров и склонностей этих молодых людей оказывали влияние как на внутреннюю жизнь России, так и на внешнеполитические вопросы.

Большинство исторических исследований могли бы многое потерять в убедительности без знаний о людях, участвовавших в значительных событиях прошлого. Наша позиция заключается в том, что, поскольку история творится людьми, не зная характера и судеб этих творцов, мы рискуем остаться в области умозрительных построений и оказаться на зыбкой почве ретроспективных предположений. Биографическое разыскание, не являясь самоцелью, может присутствовать в любом «расследовании» прошлого, позволяя сделать необходимые акценты в его историческом содержании или попытаться ответить на поставленные в настоящее время злободневные вопросы. В связи с таким подходом данная работа является весьма актуальной.

Для восполнения определенных пробелов исторического видения нами проведено исследование, в котором предпринята попытка дать целостную событийную характеристику жизни и деятельности некоторых представителей династии Романовых. Сквозь призму прямых и опосредованных личностных отношений проступают очертания важнейших исторических реалий, относящихся к рассматриваемому периоду. Анализ этих связей представляется весьма результативным в контексте раскрытия малоизвестных деталей и упущенных возможностей в отношениях России и Польши, остающихся весьма сложными и сейчас.

4. Результаты

Императрица Екатерина Великая, принцесса из мелкого северогерманского княжеского дома, вынашивала грандиозные планы расширения Российской империи. С детства воспитанная в лютеранстве, в юности она приняла православие и, встав во главе русского государства, глубоко прониклась идеей, выдвигание которой приписывалось старцу псковского Елеазарова монастыря Филофею: «Москва – Третий Рим». Взор императрицы простирался на юг, где одряхлевшая Османская империя, Блистательная Порта, еще удерживала власть над греческим Константинополем.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор (июль 1774) (Сазонов, 1992: 91-92), закрепивший победы русской армии в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг., стал большим успехом российской дипломатии. К России были присоединены Азов, Керчь, Еникале и Кинбурн с землями между Днепром и Бугом, подготовлена почва для присоединения Крыма и сопредельных татарских областей, установлен русский протекторат над Молдавией и Валахией.

Однако императрица не собиралась останавливаться на достигнутом. Ее грандиозный «греческий проект» предусматривал создание государства Дакии, включавшего Молдавию, Валахию и Бессарабию. По мысли Екатерины, Дакия никогда не должна была объединяться ни с Австрией, ни с Россией; смысл ее существования состоял в ликвидации общих границ России, Австрии и Османской империи. Отвоение у османов юга Балканского полуострова, возрождение Византийской империи и воцарение императора из дома Романовых стало ее «программой-максимум» (Гриффитс, 2013: 349-368).

Но реализация «греческого проекта» была невозможна без урегулирования польского вопроса. Начиная с XVI и до середины XVII веков огромная Речь Посполитая, простиравшаяся от Балтийского до Черного морей, являлась лидером в Центральной и Восточной Европе. Однако со временем она превратилась в государство слабое, неспособное защитить собственные границы и вести самостоятельную политику. В 1764 г. при российской поддержке на престол Польши был избран Станислав Понятовский (1732–1798), фаворит императрицы Екатерины, никогда не проявлявшей

скуности к своим любовникам (Карнович, 1899: 102). В 1767 г. через пророссийски настроенную польскую знать и российского посла в Варшаве князя Репнина Екатерина II инициировала принятие конституции Речи Посполитой, введившей веротерпимость и исключавшую *liberum veto* – право любого шляхтича-депутата отменить обсуждение вопроса или распустить Сейм, аннулировав все акты, принятые во время его заседания. Часть патриотов, недовольная политикой короля, объединилась в вооруженный союз – конфедерацию, созданную в Баре, городе недалеко от границы с Турцией. Барская конфедерация стала первым массовым протестом против российского господства (Сковронек, 1994: 37).

Конфедераты рассчитывали на поддержку Франции и Турции, но Версаль устранился, и активность проявляла только Порта. Пруссия, намеревавшаяся завладеть Поморьем, чтобы соединить свои западную и восточную части и лишить Речь Посполитую выхода к Балтийскому морю, только сеяла раздор.

Вмешательство в военные действия А.В. Суворова в 1770 г. сломило сопротивление конфедерации и положило конец надеждам патриотов.

Первый раздел Польши произошел между Австрией и Россией в 1772 г. Екатерина II рассказала Иосифу II о своем «Великом плане» (Rusakov, 2013: 47-48).

Неустройство в государстве повлекло первый раздел Речи Посполитой в 1772 г. между Пруссией, Австрией и Россией – так называемого «Союза Трех Черных Орлов» (на гербах союзников был изображен черный орел в отличие от польского белого орла) (Стегний, 2002: 102-105).

Екатерина II сначала противилась плану раздела, поскольку ей и без того фактически принадлежала вся Речь Посполитая, но 19 февраля 1772 г. в Вене была подписана конвенция о разделе с условием, чтобы приобретаемые тремя державами доли были равны. России достались части Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, а Австрии и Пруссии – территории Польской «короны» (то есть собственно Польши в сегодняшнем понимании) (Саонов, 1992: 173-176).

Исключительно трудная геополитическая задача – закрепиться на черноморских берегах – решалась путем первой русско-турецкой войны (1768–1774). Настоящий стратег на троне, императрица мыслила с большим задумом на будущее. Весной 1775 г. в Петербурге был создан Греческий кадетский корпус – «Особливое училище для отправляемых в С.- Петербург из Архипелага греческих мальчиков». Нелюбимый матерью цесаревич Павел не вписывался в ее далеко идущие планы, но к его сыновьям, своим внукам, Екатерина испытывала привязанность. Рождение в 1779 г. второго из них показало императрице знаком небес. Идея изгнать турок, передать престол правителю из дома Романовых получила воплощение в выборе имени внуку. В честь великого греческого императора, даровавшего своему народу христианскую веру, младенца нарекли Константином, а его кормилицей символически была назначена гречанка Елена Иордановна.

Екатерина не была бы женщиной, не намеки она *urbi et orbi* на свои державные намерения: изданный правительственный манифест оповещал, что «от новорожденного можно ожидать увеличения славы и могущества России» (Ragsdale, 1988: 93). Убедившись, что ребенок крепок и здоров, царица повелела выбить медаль с изображением Софийского собора в Константинополе.

В этом же году начался выпуск офицеров из Греческого корпуса. Они участвовали во всех военных походах российского флота и в борьбе за независимость Греции. Многие православные юноши достойно служили России до конца жизни.

К семилетнему царевичу был приставлен учитель эллино-греческого языка и одновременно «дядька», 16-летний греческий дворянин Дмитрий Курута. Благодаря греческому окружению великий князь Константин Павлович владел греческим практически наравне с русским.

На протяжении всей дальнейшей жизни Курута оставался рядом со своим воспитанником. Современники считали его близость с великим князем если не спасительной, то исключительно благотворной. Только наставник умел умерять его вспыльчивость и гневливость, успокаивать ярость, обычно выражающуюся в потоке ругательств, преимущественно на греческом языке.

Воинственный характер будущего императора подкреплял надежды греков на возрождение Византийской империи. Посещавшие его с заверениями преданности и почтения греческие моряки, вместе с русскими бывшие турок при Наварине и Чесме, рассказывали, что Константин как реликвию приобрел нож, которым был убит видный турецкий деятель (Kamovich, 1899: 8).

Европейские государства с беспокойством восприняли эту заявку России на Причерноморье и Кавказ. В то время как в Санкт-Петербурге канцлер Безбородко вместе с Григорием Потемкиным работали над «Мемориалом по делам политическим», в котором излагались положения «греческого проекта», Франция и Великобритания вели дипломатическую интригу, направленную против России и ее союзницы Австрии. В результате австрийский император Иосиф II занял двойственную позицию и не поддержал наиболее амбициозные планы Екатерины (Петрова, 2011: 253-276).

Тем не менее русский флот сосредоточился на Черном море, а 8 апреля 1783 г. был выпущен манифест о присоединении к Российской империи Крыма, Тамани и кубанских татар. Новоприосоединенные владения стали называться Тавридой.

Султан вынужден был признать формальным актом присоединение этих территорий к Российской империи, но Порты не смирилась с поражением. Обе стороны стали деятельно готовиться к реваншу (Лебедев, 2011: 28-29).

На пороге войны с Турцией Россия рассчитывала на союз с Польшей, которой предназначалась важная роль в предстоящих военных действиях и дипломатических переговорах. От того, чью сторону примут поляки, зависело и европейское равновесие (Сковронек, 1994: 39). Г.А. Потемкин, князь Таврический, высказывался в пользу нового раздела Речи Посполитой с тем, чтобы ослабить Пруссию и Австрию, мешавших России проводить черноморско-балканскую политику. Он полагал, что «постоянным принципом русской политики в Центральной Европе должно быть поддержание равновесия сил между двумя германскими государствами и создание препятствий для усиления одного из них» (Сковронек, 1994: 40). Более того, он предлагал короновать великого князя Константина короновать великого князя Константина короновать великого князя Константина короновать великого князя Константина короновать великого князя Пястов.

Польская исследовательница З. Зелинская, рассматривая проект Потемкина 1787–1790 гг. о передаче польской короны Константину, считает, что его осуществлению воспрепятствовала Екатерина II, не желавшая отступать от плана сделать внука византийским императором (Zielinska, 1991: 34). А противодействие Пруссии не позволило России заключить практически уже согласованный союзный договор с Речью Посполитой. Так потерпела крах первая попытка воцарения в Польше Константина Романова.

В результате войны 1787–1791 гг. ослабленная Османская империя была вынуждена подписать Ясский мирный договор, закреплявший Крым и турецкую крепость Ачи-Кале (ныне Очаков) на северном побережье Черного моря за Россией, а также согласиться на установление границы между двумя империями по реке Днестр. Однако Молдавия и Бессарабия были возвращены Турции, которая в свою очередь отказалась от претензий на Грузию и подтвердила условия Кючук-Кайнарджийского мира и Георгиевского трактата 1783 года (Sicker, 2001: 203).

Вплоть до Парижского трактата 1856 года Кючук-Кайнарджийский договор служил русской дипломатии главным инструментом воздействия на Порту.

Христианские государства Западной Европы выступали единым фронтом, поддерживая крупнейшую исламскую державу, чтобы не допустить дальнейшего усиления христианской России. Сохранение этого status quo получило название Восточного вопроса (Чихачев, 1970: 85).

Польская проблема вновь встала перед Екатериной II через два года. Пруссия спровоцировала патристически настроенных поляков на разрыв с Россией и заключение союза с Пруссией. Столкновение группировок в 1793 г. закончилось военным вмешательством России и вторым разделом Польши. Русские военные гарнизоны разместились в крупных польских городах, в том числе в Варшаве, что чрезвычайно нервировало поляков.

В 1794 г. в Польше вспыхнуло антироссийское восстание, возглавляемое генералом Тадеушем Костюшко, которого инсургенты объявили диктатором. Жители Варшавы напали на русский гарнизон, расквартированный в польской столице, тем самым присоединившись к восстанию. Это выступление получило название «Варшавской заутрени», поскольку русские были застигнуты врасплох во время утреннего богослужения накануне Пасхи и практически все перебиты восставшими (Бестужев-Марлинский, 2002: 72-76). На подавление мятежников Екатерина бросила корпус Суворова, вызванный с турецкой границы. 4 ноября 1794 г. русские войска штурмом взяли предместье Варшавы – Прагу. Даже выдавшие виды офицеры Суворова потом писали, что ад Праги был сравним только с адом штурма Измаила (Тарас, 2008: 103). Ожесточенное сражение закончилось практически полным уничтожением польского гарнизона.

После поражения восстания Россия, Пруссия и Австрия провели третий раздел Польши (1795), после которого Польское государство исчезло с карты мира более чем на столетие.

Императрица некоторое время рассматривала еще один проект, связанный с личностью Константина, – славяносербский. Он заключался в воссоздании на Балканском полуострове «Великой Сербии» – монархии Стефана Душана XIV в. с границами от Черного до Адриатического морей – во главе с Константином (Комаровский, 1990: 134-135).

Державная бабушка любила обоих старших внуков, несмотря на то, что Константин пошел в отца: отличался эмоциональной неустойчивостью, иногда приводившей, как сказали бы сейчас, к настоящим аффективным расстройствам. Как и отцу, ему были свойственны приступы агрессии, мнительность, ревность, повышенный уровень тревожности и подозрительность. Великий князь, подобно отцу, не вышел ростом, но был физически развитым, ловким и крепким. Общее строение лица и особенно нос повторяли внешность родителя. Выражение небольших глаз под густыми бровями свидетельствовало о живом уме и проницательности. В этом молодом человеке император Павел видел свое новое воплощение и отличал его среди других своих детей.

Напротив, к первенцу Александру он, по многочисленным свидетельствам современников, не испытывал подобной привязанности, несмотря на его красивое лицо, высокую статную фигуру, большие способности и всеми признанное обаяние. Зато этими достоинствами брата восхищался Константин и без тени зависти охотно признавал его превосходство и первенство во всем. Братья были связаны глубокой родственной и дружеской привязанностью.

Бабушка-императрица находила большую приятность в обществе озорного и остроумного Константина и, слегка браня за нерадивость в учебе, снисходительно относилась к его шалостям.

Тем не менее, с юных лет приучаясь к суровой военной жизни более Александра, Константин получил прекрасное образование. Впоследствии цесаревич участвовал в походах Суворова, который неплохо отзывался о великом князе, хвалил за отвагу, мужество и умение владеть оружием.

Однако неистовый характер, дикие оргии и кутежи, какие-то странные жестокие наклонности давали пищу слухам. Он сам писал о себе в 12-летнем возрасте так: «Быть грубым, невежливым, дерзким – вот к чему я стремлюсь» (Балязин, 2005: 199).

Из неугомонного шалуна он вырос в беспутного юнца, о котором венценосная бабка сильно беспокоилась: «Мне известно бесчинное, бесчестное и непристойное поведение его в доме генерал-прокурора, где он не оставлял ни мужчину, ни женщину без позорного ругательства, столь нагло и постыдно им произнесено было – что не токмо многие из наших, но даже и шведы без соблазна, содрогания и омерзения слышать не могли. Сверх того, он со всякой подлостию везде, даже и по улицам, обращается с такой непристойной фамильярностью, что я того и смотрю, что его где ни есть прибьют к стыду и крайней неприятности» (Половцов, 1903: 160). Единственным радикальным средством воздействия оказался арест – наказание, позорящее великого князя.

Эти домашние грешки не уменьшали значения Константина как представителя династии в проектах занятия вакантных европейских престолов. История не сохранила сведений о собственном отношении великого князя к этим планам. Его реакция на прекращение «греческого проекта» также неизвестна.

Екатерина решила, что чрезмерную энергию внука будет сдерживать семейная жизнь, и в феврале 1796 г. женила 17-летнего Константина на лютеранке Юлиане Генриетте Ульрике Саксен-Кобург-Заальфельдской, немецкой княжне из Тюрингии, ставшей в России после принятия православия Анной Федоровной (1781–1860) (Половцов, 1900: 193-194). Письма супруги наследного герцога Франца Саксен-Кобургского, Августы Каролины из Петербурга, куда она с дочерьми приехала на смотрины, свидетельствуют либо об умении Константина притворяться, либо о желании герцогини выдать за него дочь, несмотря ни на что. «...У него широкое, круглое лицо; и если бы не курносый нос его, он был бы очень красив; у него большие голубые глаза, в которых много огня и ума; ресницы и брови почти совсем черные; небольшой рот и губы совсем пунцовые; очень приятная улыбка, прекрасные зубы и свежий цвет лица, ... красивое, мускулистое телосложение; Константин, кажется, воин и душой и телом, со всею военного ловкостью... более блеску в глазах... Константин имеет больше характера и оттого владеет совершенно старшим братом, что не мешает, однако же, взаимному их доверию» (Карнович, 1899: 146).

Сначала Константин проявлял к супруге некую разновидность привязанности. «Как был тронут, как был нежен добрый, неспорченный юноша! Ни одного зятя не буду я любить столько, сколько люблю этого. Не найдешь другого такого – отличного, умного, с таким чистым сердцем!» – писала его теща мужу (Карнович, 1899: 153).

Однако скоро современники имели возможность наблюдать, как молодой муж грубо толкал, щипал и кусал свою супругу, ревновал ее к брату Александру, запрещал выходить из ее покоев и совершал в отношении молодой женщины многочисленные выходки, поражающие изуверством (Головина, 1900: 150).

В ноябре 1796 г. от инсульта скончалась Екатерина Великая. Согласно легенде, в ее туалете с водопроводом и другими удобствами имелся «стульчак», который императрица приказала сделать из позолоченного трона древней, овечьей легендами династии Пястов. Якобы на нем ее и постиг удар (Madariaga, 1981: 423).

Вступивший на престол Павел I сделал своего любимца Константина шефом лейб-гвардии Измайловского полка, затем – инспектором всей кавалерии, а с июня 1798 г. – начальником кадетских корпусов; он увеличил великокняжеское жалованье до полумиллиона рублей в год и подарил сыну мызу в Стрельне. За отличия в суворовских походах Павел в 1799 г. пожаловал Константину титул цесаревича, который по закону мог носить исключительно наследник российского престола.

Великий князь был весьма неравнодушен к женскому полу и повсюду находил предметы увлечения. Отправленный отцом-императором проверять боеготовность войск на границе с Австрией, он гостил в имении польского магната князя Любомирского и настолько увлекся его дочерью Еленой, что сделал ей формальное предложение руки и сердца. Девушка не ответила на чувства женатого Константина, и расставание с ней и с мечтой о счастье он переживал очень тяжело (Штейнгель, 1985: 153-154).

Он часто ездил обедать к Марии Нарышкиной, дочери польского князя Антония Святополк-Четвертинского, представителя «русской» партии. Из-за своих убеждений тот был растерзан варшавской толпой во время восстания Костюшко. Екатерина приняла участие в судьбе его семьи и выдала Марию замуж за русского вельможу Нарышкина. Как известно, Мария с 1801 г. стала любовницей Александра I. В доме Нарышкиных Константин познакомился со старшей княжной – Жанеттой и создал с нею «теневую семью» (Балязин, 2005: 168).

Тем временем взбалмошность, непоследовательность, ничем не оправданная жестокость Павла I усиливалась в связи с революционными событиями во Франции, казнью королевской четы и расправой с высшей аристократией. Перепады настроения и беспощадность императора вызывали ропот расслабленного либерализмом покойной императрицы придворного общества и возмущение гвардейского офицерства. Гвардейцы еще не забыли столь популярный в прошлом веке в России метод смены власти – переворот и физическое устранение «тирана» (март 1801).

Убийство Павла I наложило отпечаток не только на психику Александра I, что отмечалось всеми историками. Константин, любимый сын покойного, был психологически травмирован еще более глубоко: у великого князя в еще большей степени стали проявляться резкость, несдержанность, упрямство, вспышки ярости (Каштанова, 2000: 53).

Весь Петербург был потрясен очередной эскападой Константина, описание которой приведено в многочисленных мемуарах: А.М. Тургенева, В.И. Штейнгеля и др. Он похитил молодую и красивую жену французско-коммерсанта, мать двоих детей. По версии недоброжелателей великий князь, имевший плохо залеченный сифилис, ее изнасиловал, а потом отдал адъютантам и лакеям. Скоро женщина лишилась чувств, и распалившиеся насильники не нашли ничего лучшего, чем отвезти жертву домой и бросить у крыльца, где ее и обнаружили домашние. Несчастливая женщина находилась в ужасном состоянии, у нее на теле не было живого места, ребра сломаны. Мадам Араужо едва смогла назвать имя своего мучителя и снова потеряла сознание, на следующий день она умерла (Мемуары..., 1981: 275).

Возмущенные родственники пожаловались императору; тот приказал провести расследование, «невзирая на чины и звания». Виновников насилия посадили в крепость, а Константина – под домашний арест. Однако вдовствующая императрица Мария Федоровна стремилась замять скандал и откупилась от родных несчастной 20 тысячами рублей золотом. Заключение следственной комиссии гласило, что мадам Араужо скончалась от эпилептического припадка, во время которого переломала себе суставы рук и ног.

У Константина и Анны Федоровны, бесповоротно возненавидевших друг друга, появилась возможность расстаться. Однако в 1803 г. в разводе им все еще отказывали: подобного в доме Романовых до этого времени не было. Кроме того, вдовствующая императрица Мария Федоровна опасалась вступления влюбчивого Константина в морганатический брак.

Порвав с Жанеттой Четвертинской, *enfant terrible* дома Романовых завел длительный роман с французской авантюристкой Жозефиной Фридрихс, которая в 1808 году родила ему сына Павла. Этого ребенка Константин официально признал своим, хотя современники утверждали, что не только цесаревич ему не отец, но и Жозефина – не мать (Давыдов, 1999: 450-465). Тем не менее крестным отцом мальчика стал император, давший ему фамилию Александров. Считалось, что у великого князя были еще два внебрачных ребенка – от связи с актрисой Анной Клер Лоран сын Константин и дочь Констанция (Madariaga, 1981: 506). Это обстоятельство позволяло надеяться на продолжение династии через Константина, поскольку дети Александра I рано умирали.

В 1804 г. произошел разрыв франко-русских дипломатических отношений, после чего Россия вступила в третью антифранцузскую коалицию. Константин во главе своих полков отважно воевал в Европе против французов и неизменно проявлял отвагу и бесстрашие.

Придя к убеждению, что война с Россией неизбежна, Наполеон стремился подготовить к этому общественное мнение Польши. Французский император намеками давал понять, что судьбу Польши принимает исключительно близко к сердцу: из Галиции он намеревался создать отдельное государство и уже определил основы его конституции. Не все в Польше повелись на посулы Наполеона. Богатейший литовский магнат Михаил Огинский предлагал воссоединить польские и литовские земли и возродить Польское государство под скипетром русского императора (Погодин, 1912: 148).

Герцогство Варшавское, составленное Наполеоном из польских областей, отобранных им у Пруссии в 1807 г. и у Австрии в 1809-м, многими рассматривалось как «воскрешение Польши». Естественно, что популярность Наполеона была громадна, поляки выставили стотысячную армию, сражавшуюся за него с первого до последнего дня войны (Погодин, 1912: 149). Русский историк резко высказался по этому поводу: «Герцогство Варшавское служило Наполеону военным депо, откуда он брал солдат для пополнения своих легионов, погибавших в Австрии, Испании и России» (Устрялов, 1997: 605).

Как командующий гвардией Константин принял участие в «Битве народов» при Лейпциге в 1813 г., где едва не был захвачен в плен и получил за храбрость орден Святого Георгия 2-й степени.

Разгромив Наполеона, русские войска двинулись в Европу и вскоре полностью оккупировали территорию Великого герцогства Варшавского, которое стало управляться русским генерал-губернатором.

Александр утверждал, что желает исправить допущенную бабушкой несправедливость в отношении поляков. По-видимому, он намеревался кардинально решить судьбу не только Польши, но и брата. По его настоянию в 1814 г. Константин навестил в Эльфенау близ Берна свою жену, уже более 10 лет жившую отдельно и родившую двух детей от разных отцов. При этом она имела прекрасную репутацию – особенности характера и поведения мужа делали из нее мученицу.

Время и расстояние не смогли заставить принцессу забыть унижения и мучения, которым ее подвергал супруг – примирения не получилось. Император был вынужден это признать и после согласований со Священным синодом издал официальный манифест о расторжении брака.

Венский конгресс (1814–1815) «на вечные времена» передал большую часть многострадальной Польши (кроме Польского Поморья и Познани с областью, доставшихся Пруссии, а также Кракова, получившего статус вольного города) ее мощному соседу – России. Было создано так называемое «Царство Польское», и его сувереном стал Александр I, который немедленно включил Польшу в свою титулатуру. На присоединенной территории российскому императору предоставлялась неограниченная власть (Тымовский и др., 2004: 385).

В то же время Царство Польское получало самую демократичную конституцию своего времени, на чем особенно настаивал Александр I. Своим наместником император демонстративно назначил немолодого генерала Юзефа Зайончека, старинного врага России, бывшего польского якобинца, участника восстания Костюшко (Фалькович, 2016: 67). В начале 1814 г. Константин стал главнокомандующим всеми войсками, размещенными на территории Польши, а императорским комиссаром при нем – граф Новосильцев (Pienkos, 1987: 78).

На родину потянулись бывшие солдаты, и скоро численность армии была доведена почти до штатного состава в 35 тысяч. Образованная исключительно из польских уроженцев, она содержалась на польские средства и не могла использоваться для нападения, а только для обороны. Жалованье здесь значительно превосходило русские оклады, срок службы для нижних чинов составлял 8 лет в отличие от 20 в русской армии. Главным советчиком Константина в этом деле стал боевой польский генерал, соратник Наполеона, Ян Генрик Домбровский. Но характер и манера поведения великого князя не изменились: он вел себя, как привык в России, безобразно, не задумываясь о том, что в Варшаве другие представления о допустимом и польское национальное чувство сильно ущемлено потерей независимости (Макаров, 1881: 35).

Однако полномочия Константина сразу же простерлись далеко за пределы военного ведомства, а после кончины ветерана Зайончека именно великий князь стал наместником и фактически правителем Царства Польского.

Новым этапом военно-преобразовательной деятельности цесаревича стало формирование Литовского отдельного корпуса, куда из Русской Императорской армии переводились уроженцы Литвы и западных губерний. Некоторые называли великого князя «матерью польского войска и мачехой русского» (Чайковский, 1896: 181).

Александр I, даровав Польше либеральную конституцию, сам же начал ее нарушать, утверждая, что как автор имеет право быть единственным толкователем документа. Константин, оскорбительно распекая своих подчиненных, часто приговаривал: «Я вам покажу конституцию!..» (Макаров, 1881: 41).

Но вскоре произошла эволюция его настроений.

24 мая 1820 г. в Варшаве наследник российского престола Константин Павлович без всякой торжественности женился на старшей из трех дочерей польского графа Антона Грудна-Грудзинского. Они обвенчались по православному обряду, а потом – по католическому. Император Александр I издал манифест, по которому Иоанне Грудзинской даровался титул светлейшей княгини Лович, но брак признавался морганатическим. Там же указывалось, что дети, рожденные в этом браке, не имеют права на российский престол. Однако в документе не сообщалось, что Константин теряет право престолонаследия.

До этого времени в России понятие морганатического брака отсутствовало. Новация Александра неприятно поразила Константина, который, очевидно, не оставлял надежды, что в будущем его дети будут признаны представителями династии.

Это, безусловно, был брак по любви. Князь П.А. Вяземский писал: «Жанетта Антоновна не была красавица, но была красивее всякой красавицы. Белокурые, струистые и густые кудри ее, голубые выразительные глаза, улыбка умная и приветливая, голос мягкий и звучный, стан гибкий и какая-то облегающая ее нравственная свежесть и чистота.... Все ...придавало ей совершенно особенную и привлекающую внимание физиономию в кругу подруг и сверстниц ее» (Вяземский, 1879: 8). Однако наместник не полностью порвал с прошлым и привез в Варшаву Жозефину Фридрихс. Александр I, относившийся к невестке с большой симпатией, приказал выслать любовницу брата из города. Между супругами установилось полное согласие, княгиня расцвела, а привязанность Константина к ней возросла еще более.

В Польше от этого союза ожидали много: считали, что Жанетта, «вторая Валевская», должна повлиять на мужа и изменить судьбу государства. Она отличалась большим тактом, старалась не вмешиваться в политику и умела смирять порывы своего вспыльчивого супруга (Czynski, Demoliere, 1833: 162). С ней он обрел душевное равновесие, стал говорить и даже думать по-польски.

Отрицательные отношения к конституционной Польше сменилось отождествлением своих интересов с польскими (Каштанова, 2000: 125). Он заметно отдавал предпочтение полякам перед русскими, ему недаром приписывали высказывание: «В душе я поляк, совершеннейший поляк!» (Чайковский, 1896: 182).

Распространено мнение, что Константин, потрясенный убийством отца, всю жизнь пребывал в уверенности, что, став императором, тоже погибнет от рук заговорщиков. Поэтому он якобы не хотел наследовать трон, если переживет бездетного старшего брата. Складывается впечатление, что это мнение усиленно насаждалось николаевской пропагандой.

В начале 1822 г. семейство Романовых добилось от Константина отречения от престолонаследия. Документ был оформлен в форме манифеста Александра I от 16 августа 1823 г., который следовало огласить после его кончины. Наследником престола становился следующий брат, великий князь Николай Павлович (1796–1855), который давно знал об этих планах. Вероятно, Константин должен был получить некую компенсацию.

Из-за таинственности, которой окружили вопрос наследования, после неожиданной смерти царя в Таганроге 19 ноября (1 декабря) 1825 г. последовал династический кризис. В Санкт-Петербурге младший брат великий князь Николай принес присягу старшему, Константину, а в Варшаве Константину – Николаю. Трудно поверить, что мысль занять русский трон не приходила в голову Константину или его амбициозному окружению. Все говорит о том, что борьба за престол имела место: не зря Константин так долго медлил с подтверждением отречения.

Историки часто подчеркивали несколько иезуитский характер очаровательного императора Александра. Не исключено, что по принципу «после нас – хоть потоп» он стремился намеренно возбудить соперничество между младшими братьями. Иначе почему он не обнародовал решенное изменение порядка престолонаследия еще при жизни? Не исключено, что Александр учитывал и возможность вмешательства в борьбу за власть матери, энергичной вдовствующей императрицы Марии Федоровны, никогда не дававшей старшему сыну забыть его роль в устранении императора Павла. После отречения Константина она вполне могла претендовать на трон: недавняя русская история давала такому развитию событий множество примеров.

Получилось бы, что Николай отрекся в пользу Константина, а тот тоже отказался от прав на престол (Сафонов, 1995: 166–181). Единственным выходом становился приход к власти Марии Федоровны или 27-летнего великого князя Михаила. Но, как известно, династический кризис привел к восстанию декабристов, закончился большой кровью и воцарением Николая I. Однако целых 16 дней, с 27 ноября (9 декабря) по 13 (25 декабря) 1825 г. официальные учреждения в Петербурге и Москве под присягой признавали Константина Павловича императором и самодержцем Всероссийским Константином I.

Скорее всего, согласие на отречение от российского престола было получено от Константина в обмен на обещание польской короны. То, что он не был поляком, большого значения не имело: несмотря на решение четырехлетнего сейма 1791 г., Польше было не привыкать к правителям-иностранцам (Ядвига Анжуйская, Стефан Баторий, Сигизмунд Ваза...). До самого конца междуцарствия цесаревич надеялся на выполнение этого условия, по-видимому, считая, что императорский дом и брат Николай должны быть благодарны ему за отказ от российского трона. Но, включив в свою титулатуру Польшу манифестом от 14 декабря 1825 г., Николай положил конец надеждам старшего брата.

Тем самым польский престол второй раз ускользнул от Константина.

Ходили слухи, что, соглашаясь уже на меньшее, цесаревич домогался стать вице-королем Польши, присоединив к ней Литву, то есть вернуться к состоянию Речи Посполитой до первого раздела Польши. Но Николай отнюдь не намеревался лишаться северо-западных территорий (Moriolles, 1902: 305). Более того, он тяготился самим существованием соседнего конституционного государства, его правами и свободами и имел для этого основания: в частности, польская армия с согласия Константина отказалась участвовать в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Император стремился лишить Царство Польское всякой самостоятельности и постепенно отбирал у брата важные полномочия в западных губерниях.

Анализ государственной деятельности Константина Павловича в Польше весьма скупо освещен историками. Создается впечатление, что его «промежуточное» правление рассматривается как незначительный эпизод в многовековой истории русско-польских отношений. Между тем женитьба на польке, пребывание в Царстве Польском более 10 лет в разном качестве не могли не повлиять на взаимоотношения великого князя и поляков. Об этом свидетельствуют дальнейшие события.

Революционные события во Франции и Бельгии 1830 года привели в крайнее возбуждение польских националистов. Волнения охватили почти всех армейских офицеров, шляхту, женщин, ремесленные цехи и студенчество. Николай Павлович, коронованный королем польским в 1829 г., намеревался задавить ростки европейских свобод и с этой целью двинул российские войска на запад. Польские штыки, по его мысли, были призваны составить авангард в борьбе против европейской крамолы. Но польские патриоты не намеревались становиться орудием России. Более того, стремясь освободиться от российской зависимости, они готовили разоружение русских войск и восстание, началом которого должно было послужить убийство Константина (Фалькович, 2016: 153).

29 ноября на рассвете восстание началось. Патриоты проникли в Бельведерский дворец, резиденцию наместника, с криками «Смерть тирану!» Несколько польских генералов, пытавшихся остановить заговорщиков, были убиты. Полуодетый Константин успел укрыться в каком-то тайнике.

Воспитатель и учитель великого князя Дмитрий Курута, всегда находившийся вблизи воспитанника, сделал все, чтобы спасти его жизнь. К тому времени Курута, не создавший своей семьи и посвятивший себя Константину и воинской деятельности, заслужил звание генерала. Выполняя волю наместника, Курута организованно отвел гвардейские части в Россию, чтобы избежать кровопролития и по возможности сохранить гражданское население.

Не все польские полки были на стороне повстанцев. Некоторые военные колебались и даже защищали русских, а затем присоединились к Константину (Петров, 1880: 46).

Наместник сдал крепость восставшим и покинул Варшаву. По-видимому, Константин признавал, что поляки имеют основания быть недовольными политикой, проводимой Санкт-Петербургом. Кроме того, его самолюбие было ущемлено действиями брата, неуклонно отодвигавшего его от реальной власти. Воспроизводимые всеми историками слова: «Я не хочу участвовать в этой польской драке», – скорее всего означают, что он умывает руки в конфликте между поляками и их подлинным правителем Николаем.

Но Константину не удалось остаться «над схваткой».

На подавление мятежа император отправил армию под командованием фельдмаршала графа И.И. Дибича. Вполне успешная экспедиция не завершилась, однако, взятием польской столицы – Дибич приказал прекратить бой фактически накануне окончательной победы. Причина, по мнению современников, крылась в позиции Константина. «Думают, что совет, остановивший карательный меч, поднятый над крамольной Варшавой, принадлежал цесаревичу Константину Павловичу», – писал А.Х. Бенкендорф (Бенкендорф, 2020: 342).

По воспоминаниям участника событий Э.И. Стогова, разгневанный цесаревич прискакал к Дибичу в разгар сражения со словами: «Фельдмаршал, поляков режут, как баранов! Фельдмаршал, милосердия!» – и потребовал прекратить резню (Стогов, 1886: 83). Независимо от того, имел ли место на самом деле приведенный эпизод, бой действительно был приостановлен.

Из-за этого война затянулась еще на семь месяцев.

Немногочисленные исследователи этого периода русско-польских отношений так и не пришли к соглашению по поводу желаний и возможности цесаревича подавить польское восстание. Высказываемые точки зрения зависят в основном от позиции автора. Если ряд историков критикует поведение Константина как антирусское, то другие склонны придерживаться противоположного взгляда.

Почти вся Европа сочувствовала восставшим (Соловьев, 1995: 405-628). Русское же общественное мнение разделилось. Конфликт разных этносов, обладавших различной ментальностью, великопольские амбиции польской шляхты определили идеологическое противостояние. Большая часть образованного общества – славянофилы, А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев и другие – приветствовали подавление восстания. Западники и такие видные представители передового общественного мнения, как Герцен, Грановский, братья Тургеневы, оказались на стороне восставших. П.А. Вяземский, в течение многих лет служивший в Варшаве и хорошо знавший поляков, писал по поводу стихов Пушкина «Перед гробницею святой...», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», воспевавших победу русского оружия: «Как огорчили меня эти стихи! Власть, государственный порядок часто должны исполнять печальные, кровавые обязанности, но у Поэта, слава Богу, нет обязанности их воспевать». Он самым резким образом осудил Жуковского и Пушкина за «шинельные» стихи (Муравьева, 1994: 202).

Начавшаяся в Польше эпидемия холеры не щадила ни русских, ни поляков. Осенью 1831 г. император Николай I подавил восстание. Платой за возмущение стали упразднение сейма и польской армии, а главное – принятие Органического статута (26 февраля 1832 г.), отменявшего Конституцию и превращавшего Польшу в обычную провинцию Российской империи.

Но этого Константин Павлович уже не увидел, став жертвой эпидемии. Он умер в Витебске 15 июня 1831 г. в возрасте 52 лет.

5. Заключение

Роли личности в истории, влиянию желаний, воли, характера вождя на мировые события и процессы посвящено множество исследований, поскольку эта тема остается актуальной для каждого поколения.

Субъективный фактор, роль которого так часто игнорируется при описании исторических событий («История без имен» О. Конта»), безусловно, следует оценивать в контексте исторических фактов.

Но не только.

Жизнь и деятельность цесаревича Константина Павловича можно рассматривать в связи с исторической ситуацией, историческими законами, случайностями или со всем сразу. А можно наоборот: оценивать ситуацию и случайности как производные от особенностей личности цесаревича, детерминированных временем, наследственностью и воспитанием.

Качества личности не могут не оказывать существенного влияния на ход исторического процесса.

Если бы Константин Павлович обладал способностью понять чувства поляков, переживших три раздела своей «ойчизны», проникнуться их болью, проявил больше корректности и человеколюбия,

он бы, безусловно, сумел приобрести многочисленную и сильную партию. Ведь даже невольно сделанные в этом направлении шаги увенчались успехом: несколько генералов-поляков погибли, защищая его; некоторые военные плакали, прощаясь с Константином, а один попросил разрешения проводить его до границы. Имея общественную поддержку, опираясь на сильную группировку сторонников, цесаревич мог бы результативно противостоять Санкт-Петербургу, вынуждая брата принимать более выгодные для Польши решения. Правда, соседство с Российской империей под скипетром такого авторитарного властителя, как Николай I Павлович, оставляло немного шансов для буржуазно-демократического развития Польши. Но уже его преемник Александр II проводил более либеральную политику. Не следует забывать, что братья принадлежали к разным поколениям, Константин на момент восстания был почти вдвое старше Николая, и авторитет старшего еще играл определенную роль в доме Романовых. Но добрые намерения цесаревича при отсутствии у него такта, при колеблющемся, непостоянным характере уже не могли кардинально изменить линию твердой и бескомпромиссной воли младшего брата и переломить ход событий. Шанс обрести независимость был для Польши потерян. Пролились реки крови, потребовалась упорная борьба пяти поколений, чтобы национальный дух поляков восторжествовал, и в 1918 г. было восстановлено национальное государство.

Приходится констатировать, что тогда, в первой половине XIX в., очередная, причем вполне реальная возможность двум славянским странам развиваться параллельно, взаимно друг друга обогащая, была упущена. Цесаревич Константин оказался не на высоте исторической задачи.

Литература

- Балязин, 2005** – *Балязин В.Н.* Тайны дома Романовых. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 447 с.
- Бенкендорф, 2020** – *Бенкендорф А.Х.* Воспоминания. В 2 т. Т. 2. 1826–1837. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2020. 552 с.
- Бестужев-Марлинский, 2002** – *Бестужев-Марлинский А.А.* Вечер на Кавказских водах в 1824 году: роман. М.: Директ-Медиа, 2002. 102 с.
- Вяземский, 1879** – *Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского в 12 т. Т. 2. СПб.: Санкт-Петербург: изд. гр. С.Д. Шереметева, 1879. 445 с.
- Головина, 1900** – *Головина В.Н.* Записки (1766–1821). СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900. [2]. XXII. 286 с.
- Гриффитс, 2013** – *Гриффитс Д.М.* Был ли у Екатерины II «греческий проект»? // Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 536 с.
- Давыдов, 1999** – *Давыдов Д.В.* Стихотворения. Военные записки. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. 543 с.
- Карнович, 1899** – *Карнович Е.П.* Цесаревич Константин Павлович: библиографический очерк. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1899. X [2]. 296 с.
- Каштанова, 2000** – *Каштанова О.С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. 428 с.
- Комаровский, 1990** – *Комаровский Е.Ф.* Записки графа Е.Ф. Комаровского. М.: Товарищество российских художников, Внешторгиздат, 1990. 172 с.
- Кучерская, 2005** – *Кучерская М.А.* Константин Павлович. М.: Молодая гвардия, 2005. 325 с.
- Лебедев, 2011** – *Лебедев А.А.* От Фидониси до Корфу. За кулисами больших побед Ф.Ф. Ушакова // *Гангут*. 2011. № 66. С. 14–32.
- Макаров, 1881** – *Макаров Н.П.* Цесаревич Константин Павлович и его время в Варшаве. Очерки из воспоминаний старого Литовца. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1881. 29 с.
- Массон, 1916** – *Массон К.* Мемуары Массона о России: Извлечения / Пер. П. Степановой // *Голос минувшего*. 1916. № 10. С. 23–44.
- Мемуары декабристов, 1981** – Мемуары декабристов. Северное общество. М.: Изд-во МГУ, 1981. 400 с.
- Муравьева, 1994** – *Муравьева О.С.* «Вражды бессмысленной позор...». Ода «Клеветникам России» в оценках современников // *Новый мир*. 1994. № 6. С. 198–204.
- Погодин, 1912** – *Погодин А.Л.* Наполеон и Польша // *Отечественная война и Русское общество*. Т. III. М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1912. С. 148–154.
- Петров, 1880** – *Петров А.П.* Восстание 17 (29) ноября 1830 года в Варшаве. СПб.: Б.и., 1880.
- Петрова, 2011** – *Петрова М.А.* Екатерина II и Иосиф II: Формирование российско-австрийского союза: 1780–1790. М.: Наука, 2011. 419 с.
- Половцов, 1900** – Русский биографический словарь: Алексинский – Бестужев-Рюмин / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1900. Т. 2. 796 с.
- Половцов, 1903** – Русский биографический словарь: Кнаппе–Кюхельбекер / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1903. Т. 9. 708 с.
- Сазонов, 1992** – Под стягом России: Сборник архивных документов: Сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерева. М.: Русская книга, 1992. 432 с.

Сафонов, 1995 – Сафонов М.М. Междуцарствие / Исторический опыт русского народа и современность. Дом Романовых в истории России: Материалы к докл. конф. 19–22 июня 1995 г. / Редкол.: И.Я. Фроянов (отв. ред.) и др. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. С. 166-181.

Сковронек, 1994 – Сковронек Е.Л. Удары с трех сторон. Разделы Польши как составная часть европейской истории (1772–1793–1795) // Родина. 1994. № 12. С. 36-40.

Соловьев, 1995 – Соловьев С.М. История падения Польши // Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М.: Мысль, 1995. Кн. XVI. С. 405-628.

Стегний, 2002 – Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М.: Международные отношения, 2002. 696 с.

Стогов, 1886 – Стогов Э.И. Посмертные записки // Русская старина. 1886. № 10. С. 77-124.

Тарас, 2008 – Тарас А.Е. Анатомия ненависти. Русско-польские конфликты XVIII–XX вв. Минск: Харвест, 2008. 834 с.

Тымовский и др., 2004 – Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М.: Весь мир, 2004. 544 с.

Устрялов, 1997 – Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года, в двух частях. Петрозаводск: Корпорация «Фолиум», 1997. 958 с.

Фалькович, 2016 – Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / Отв. ред. С.М. Фалькович. М.: ИНДРИК, 2016. 777 с.

Чайковский, 1896 – Чайковский М.И. Записки // Русская старина. 1896. Т. 85. Вып. 1–3. С. 169-182.

Чихачев, 1970 – Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос. М.: Наука, 1970. 224 с.

Штейнгель, 1985 – Штейнгель В.И. Сочинения и письма. В 2 т. Т. 1. Записки и письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985. 608 с.

Czynski, Demolier, 1833 – Czynski J, Demolier H. Le czarewicz Constantin et Jeannette Grudzinska ou les jacobins polonais. Paris: Guillaumin, 1833, 324 p.

Kamovich, 2000 – Kamovich E.P. Tsesarevich Konstantin Pavlovich. St Petersburg, 2000. p. 8.

Madariaga, 1981 – Madariaga I. de. Russia in the age of Catherine the Great. New-Hawen –London: Yale University, 1981. 710 p.

Moriolles, 1902 – Moriolles A. Mémoires du comte de Moriolles sur l'émigration, la Pologne et la cour du grand-duc Constantin. Paris: Paul Ollendorff. 1902. 404 p.

Ogurlu, 2022 – Ogurlu Y. (2022). Turkey-Poland Relations in the Light of Minor Conflicts and “Eternal Peace”. [Electronic resource]. URL: <https://wszystkoconajwazniejsze.pl/prof-yucel-ogurlu-turkish-polish-relations>. Wszystko Co Najważniejsze.

Pienkos, 1987 – Pienkos A.T. The imperfect autocrat Grand Duke Constantine Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. Boulder : East Europ. monogr. XIII. 1987. 186 p.

Ragsdale, 1988 – Ragsdale H. Evaluating the Traditions of Russian Aggression: Catherine II and the Greek Project // Slavonic & East European Review. 1988. V. 66. no. 1. Jan. 93 p.

Rusakov, 2013 – Rusakov K.A. Avstryyskaya Dyplomatyya Y Hrecheskyy Proekt Ekateryny II // Visnyk Luhans'koho Natsional'noho Universytetu Imeni Tarasa Shevchenka. Istorychni Nauky. 1/2: 47-48.

Sanin, 2015 – Sanin A. Rossiya i Formirovaniye Utrekhtsko-Nishtadtskoy Sistemy v Pervoy Chetverti XVIII v. Pod Red. Anisimov, M.Y. & Vinogradov, A.V. Ot tsarstva k Imperii. Rossiya v sistemakh mezhdunarodnykh otnosheniy. Vtoraya polovina XVI – nachalo XX veka. Moskova, Institut Rossiyskoy Istorii RAN, Litres, pp. 229-230.

Sicker, 2001 – Sicker M. (2001). The Islamic World in Decline: From the Treaty of Karlowitz to the Disintegration of the Ottoman Empire. Praeger Publishers. 1 vol. 264 p.

Walicki, 2013 – Walicki A. (2013). Rus Düşünce Tarihi, Aydınlanmadan Marksizme / Translator: Alaeddin Şenel. İstanbul, İletişim Publishing. 37 p.

Yinanç, 2012 – Yinanç R. (2012). Osmanlı İmparatorluğu'nun Dış Politika Anlayışı ve Uygulamaları. Türk Dış Politikası ed. Haydar Çakmak. Barış Kitap. Ankara. 29 p.

Zielinska, 1991 – Zielinska Z. (1991). O sukcesyi tronu w Polsce, 1787-1790. Warszawa: Wydaw.nauk. PWN. 291 p.

References

Baljazin, 2005 – Baljazin, V.N. (2005). Tajny doma Romanovyh [Secrets of the Romanov House]. Moskva: OLMA-PRESS. 447 p. [in Russian]

Benkendorf, 2020 – Benkendorf, A.H. (2020). Vospominaniya. V 2-h tomah. Tom 2. 1826–1837 [Memories. In 2 volumes. Volume 2. 1826–1837]. Moskva; Berlin: Direkt-Media. 552 p. [in Russian]

Bestuzhev-Marlinskij, 2002 – Bestuzhev-Marlinskij, A.A. (2002). Večer na Kavkazskih vodah v 1824 godu: roman [Evening on the Caucasian waters in 1824: a novel]. M.: Direkt-Media, 102 p. [in Russian]

Chajkovskij, 1896 – Chajkovskij, M.I. (1896). Zapiski [Notes]. Russkaja starina. T. 85. 1-3: 169-182. [in Russian]

Chihachev, 1970 – Chihachev, P.A. (1970). Velikie derzhavy i Vostochnyj vopros [Great Powers and the Eastern Question]. M.: Nauka, 224 p. [in Russian]

- Czynski, Demoliere, 1833** – *Czynski, J, Demoliere, H.* (1833). *Le czarewicz Constantin et Jeannette Grudzinska ou les jacobins polonaise* [Czarewicz Constantin and Jeannette Grudzinska or the Polish Jacobins]. Paris: Guillaumin. 324 p. [in French]
- Davydov, 1999** – *Davydov, D.V.* (1999). *Stihotvorenija. Voennye zapiski* [Poems. military notes]. M.: OLMA-PRESS. 543 p. [in Russian]
- Golovina, 1900** – *Golovina, V.N.* (1900). *Zapiski (1766–1821)* [Notes (1766–1821)]. S.-Peterburg: Tip. A. S. Suvorina, [2]. XXII. 286 p. [in Russian]
- Griffits, 2013** – *Griffits, D.M.* (2013). *Byl li u Ekateriny II «grecheskij proekt»? Ekaterina II i ee mir: stat'i raznyh let* [Did Catherine II have a "Greek project"? Catherine II and her world: articles from different years]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 536 p. [in Russian]
- Kamovich, 2000** – *Kamovich, E.P.* (1899). *Tsesarevich Konstantin Pavlovich*. St Petersburg. P. 8. [in Russian]
- Karnovich, 1899** – *Karnovich, E.P.* (1899). *Tsesarevich Konstantin Pavlovich: Bibliograficheskiy ocherk* [Tsesarevich Konstantin Pavlovich: bibliographic essay]. Sankt-Peterburg: Tip. A.S. Suvorina, X[2], 296 p. [in Russian]
- Kashtanova, 2000** – *Kashtanova, O.S.* (2000). *Velikij knjaz' Konstantin Pavlovich (1779–1831 gg.) v politicheskoj zhizni i obshhestvennom mnenii Rossii* [Grand Duke Konstantin Pavlovich (1779–1831) in the political life and public opinion of Russia]: Diss. ... k-ta istor. nauk. M. 428 p. [in Russian]
- Komarovskij, 1990** – *Komarovskij, E.F.* (1990). *Zapiski grafa E.F.Komarovskogo* [Notes of Count E.F. Komarovsky]. M.: Tovarishhestvo rossijskih hudozhnikov, Vneshtorgizdat. 172 p. [in Russian]
- Kucherskaja, 2005** – *Kucherskaja, M.A.* (2005). *Konstantin Pavlovich* [Konstantin Pavlovich]. M.: Molodaja gvardija. 325 p. [in Russian]
- Lebedev, 2011** – *Lebedev, A.A.* (2011). *Ot Fidonisi do Korfu. Za kulisami bol'shih pobed F. F. Ushakova* [From Fidonisi to Corfu. Behind the scenes of the great victories of F. F. Ushakov]. *Gangut.* 66: 14-32. [in Russian]
- Madariaga, 1981** – *Madariaga I. de.* (1981). *Russia in the age of Catherine the Great*. New-Hawen – London: Yale University. 710 p.
- Makarov, 1881** – *Makarov, N.P.* (1881). *Tsesarevich Konstantin Pavlovich i ego vremja v Varshave. Ocherki iz vospominanij starogo Litovca* [Tsesarevich Konstantin Pavlovich and his time in Warsaw. Essays from the memoirs of an old Lithuanian]. SPb.: Tip. Trenke i Fjusno. 29 p. [in Russian]
- Masson, 1916** – *Masson, K.* (1916). *Memuary Massona o Rossii: Izvlechenija* [Masson's memoirs about Russia: Extracts]. Per. P. Stepanovoj. *Golos minuvshego.* 10: 23-44. [in Russian]
- Memuary dekabristov, 1981** – *Memuary dekabristov. Severnoe obshhestvo* [Memoirs of the Decembrists. Northern society]. M.: Izd-vo MGU, 400 p. [in Russian]
- Moriolles, 1902** – *Moriolles, A.* (1902). *Mémoires du comte de Moriolles sur l'émigration, la Pologne et la cour du grand-duc Constantin* [Memoirs of the Count of Moriolles on emigration, Poland and the court of the Grand Duke Constantin]. Paris: Paul Ollendorff. 404 p. [in French]
- Murav'eva, 1994** – *Murav'jova, O.S.* (1994). «Vrazhdy bessmyslennoj pozor...». Oda «Klevetnikam Rossii» v ocenkah sovremennikov [“Enmity is a senseless disgrace...”. Ode to “Slanderers of Russia” in the assessments of contemporaries]. *Novyj mir.* 6: 198-204. [in Russian]
- Ogurlu, 2022** – *Ogurlu, Y.* (2022). *Turkey-Poland Relations in the Light of Minor Conflicts and “Eternal Peace”*. Wszystko Co Najważniejsze. [Electronic resource]. URL: <https://wszystkocona.jwazniejsze.pl/prof-yucel-ogurlu-turkish-polish-relations/>
- Petrov, 1880** – *Petrov, A.P.* (1880). *Vosstanie 17(29) nojabrja 1830 goda v Varshave* [Uprising on November 17 (29), 1830 in Warsaw]. SPb.: B.i. [in Russian]
- Petrova, 2011** – *Petrova, M.A.* (2011). *Ekaterina II i Iosif II: Formirovanie rossijsko-avstrijskogo sojuza: 1780–1790* [Catherine II and Joseph II: Formation of the Russian-Austrian Union: 1780–1790]. M.: Nauka. 419 p. [in Russian]
- Pienkos, 1987** – *Pienkos, A.T.* (1987). *The imperfect autocrat Grand Duke Constantine Pavlovich and the Polish Congress Kingdom*. Boulder: East Europ. monogr. XIII. 186 p.
- Pogodin, 1912** – *Pogodin, A.L.* (1912). *Napoleon i Pol'sha* [Napoleon and Poland]. *Otechestvennaja vojna i Russkoe obshhestvo.* T. III. M.: Izdanie T-va I.D. Sytina. Pp. 148-154. [in Russian]
- Polovcov, 1900** – *Russkij biograficheskiy slovar': Aleksinskij – Bestuzhev-Rjumin.* Izd. pod nabljudeniem predsedatelja Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva A. A. Polovcova [Russian Biographical Dictionary: Aleksinsky – Bestuzhev-Ryumin. Ed. under the supervision of the chairman of the Imperial Russian Historical Society A. A. Polovtsov]. Sankt-Peterburg: tip. Gl. upr. Udelov. T. 2. 796 p. [in Russian]
- Polovcov, 1903** – *Russkij biograficheskiy slovar': Knappe – Kjuhel'beker.* Izd. pod nabljudeniem predsedatelja Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva A. A. Polovcova [Russian Biographical Dictionary: Knappe – Küchelbecker. Ed. under the supervision of the chairman of the Imperial Russian Historical Society A.A. Polovtsov]. Sankt-Peterburg: tip. Gl. upr. udelov. T. 9. 708 p. [in Russian]
- Ragsdale, 1988** – *Ragsdale, H.* (1988). *Evaluating the Traditions of Russian Aggression: Catherine II and the Greek Project*. *Slavonic & East European Review.* 66(1). Jan. 93 p.

Rusakov, 2013 – Rusakov, K.A. (2013). Avstriyskaya diplomatyia y hrecheskyy proekt Ekateryny II [Austrian diplomacy and the Hellenic Project of Catherine II]. *Visnyk Luhans'koho Natsional'noho Universytetu Imeni Tarasa Shevchenka. Istorychni Nauky*. (1/2). 47-48 pp.

Safonov, 1995 – Safonov, M.M. (1995). Mezhdunarstvie [Interregnum]. *Istoricheskij opyt russkogo naroda i sovremennost'*. Dom Romanovyh v istorii Rossii: Materialy k dokl. konf. 19-22 iyunja 1995 g. Redkol.: I. Ja. Frojanov (otv. red.) i dr. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. Pp. 166-181. [in Russian]

Sanin, 2015 – Sanin, A. (2015). Rossiya i formirovaniye Utrekhtsko-Nishtadtskoy Sistemy v Pervoy Chetverti XVIII v. [Russia and the formation of the Utrecht-Nystadt System in the first quarter of the 18th century]. Pod red. Anisimov, M.Y. & A.V. Vinogradov. Ot tsarstva k Imperii. Rossiya v sistemakh mezhdunarodnykh otnosheniy. Vtoraya polovina XVI – nachalo XX veka, Moskova, Institut Rossiyskoy Istorii RAN, Litres, pp. 229-230. [in Russian]

Sazonov, 1992 – Pod stjagom Rossii: Sbornik arhivnykh dokumentov: Sost., primech. A.A. Sazonova, G.N. Gerasimovoj, O.A. Glushkovej, S.N. Kistereva [Under the banner of Russia: Collection of archival documents: Comp., note. A.A. Sazonova, G.N. Gerasimova, O.A. Glushkova, S.N. Kistereva.]. M., Russkaja kniga, 432 p. [in Russian]

Shtejngel', 1985 – Shtejngel', V.I. (1985). Sochinenija i pis'ma [Writings and letters]. V 2-h t. T 1. Zapiski i pis'ma. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 608 p. [in Russian]

Sicker, 2001 – Sicker, M. (2001). The Islamic World in Decline: From the Treaty of Karlowitz to the Disintegration of the Ottoman Empire. Praeger Publishers. Vol. 1. 264 p.

Skovronek, 1994 – Skovronek, E.L. (1994). Udary s trekh storon. Razdely Pol'shi kak sostavnaya chast' evropejskoj istorii (1772–1793–1795) [Strikes from three sides. Partitions of Poland as an integral part of European history (1772–1793–1795)]. *Rodina*. 12: 36-40. [in Russian]

Solov'ev, 1995 – Solov'ev, S.M. (1995). Istorija padenija Pol'shi [History of the fall of Poland]. Solov'ev S.M. Sochinenija: V 18 kn. M.: Mysl'. Kn. XVI. Pp. 405-628. [in Russian]

Stegnij, 2002 – Stegnij, P.V. (2002). Razdely Pol'shi i diplomatiya Ekateriny II. 1772. 1793. 1795. [Partitions of Poland and diplomacy of Catherine II. 1772. 1793. 1795]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 696 p. [in Russian]

Stogov, 1886 – Stogov, E.I. (1886). Posmertnye zapiski [Posthumous notes]. *Russkaya starina*. 10: 77-124. [in Russian]

Taras, 2008 – Taras, A.E. (2008). Anatomija nenavisti. Russko-pol'skie konflikty XVIII-XX vv. [Anatomy of hate. Russian-Polish conflicts of the XVIII-XX centuries]. Minsk: Harvest, 834 p. [in Russian]

Tymovskij i dr., 2004 – Tymovskij, M., Kenevich, Y.A., Hol'cer, E. (2004). Istorija Pol'shi [History of Poland]. M.: Ves' mir. 544 p. [in Russian]

Ustrjalov, 1997 – Ustrjalov, N.G. (1997). Russkaja istorija do 1855 goda, v dvuh chastjah [Russian history until 1855, in two parts.]. Petrozavodsk: Korporacija «Folium». 958 p. [in Russian]

Vjazemskij, 1879 – Vjazemskij, P.A. (1879). Polnoe sobranie sochinenij knjazja P.A. Vjazemskogo v 12 t. T. 2. [Complete Works of Prince P.A. Vyazemsky in 12 vols. Vol. 2]. SPb.: Sankt-Peterburg : izd. gr. S.D. Sheremeteva. 445 p. [in Russian]

Walicki, 2013 – Walicki, A. (2013). Rus Düşünce Tarihi, Aydınlanmadan Marksizme [Russian Intellectual History, From Enlightenment to Marxism]. Translator: Alaeddin Şenel. İstanbul, İletişim Publishing. 37 p. [in Turkish]

Yinanç 2012 – Yinanç, R. (2012). Osmanlı İmparatorluğu'nun Dış Politika Anlayışı ve Uygulamaları [Foreign Policy Understanding and Practices of the Ottoman Empire]. Türk Dış Politikası ed. Haydar Çakmak. Barış Kitap. Ankara. 29 p. [in Turkish]

Zielinska, 1991 – Zielinska, Z. (1991). O sukcesyi tronu w Polsce, 1787-1790 [For the success of the throne in Poland, 1787–1790]. Warszawa: Wydaw.nauk. PWN. 291 p. [in Polish]

Константин Павлович Романов и Польша: упущенные возможности

Елена Ивановна Майорова ^a, Розалина Васильевна Шагиева ^{a, *},
Юджел Огурлу ^b, Валерий Васильевич Романов ^c

^a Государственный университет управления Москва, Российская Федерация

^b Стамбульский коммерческий университет, Стамбул, Турецкая Республика

^c Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена достаточно важной области отношений Российской империи и Царства Польского на протяжении достаточно длительного периода – конца XVIII – начала XIX вв.,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: shagsas@mail.ru (П.В. Шагиева), trolo03@mail.ru (Е.И. Майорова), yogurlu@ticaret.edu.tr (Yucel Ogurlu), wwr@bk.ru (В.В. Романов)

наполненного судьбоносными событиями, определившими на последующие века негативный контекст этих взаимоотношений. Авторы поставили целью создание научной модели такого варианта исторического развития, при котором гипотетически оценивается реальность возможного влияния великого князя Константина Павловича Романова на изменение вектора сосуществования России и Польши. Анализируются основные вехи жизни и особенности характера этой исторической фигуры в контексте возможных альтернатив его деятельности до и во время 15-летнего нахождения в Польше. Несмотря на преуменьшение, а то и отрицание некоторыми специалистами роли личности в истории, качества, имманентно присущие правителям, принимающим судьбоносные решения, определяющим участь подданных, имеют немалое значение. Это хорошо просматривается на примере судьбы и деятельности героя статьи. Авторское видение персоны цесаревича Константина Павловича как яркой и популярной личности (недаром после его кончины появилось несколько Лже-Константинов) показывает, что историческая наука недооценила силу влияния особенностей его характера на судьбы польского государства. Для обоснования предположения применяются методы источниковедческого, исторического и логического анализа и синтеза, позволившие с точки зрения индивидуальных качеств наместника рассматривать взаимоотношения управляемой им Польши и Российской империи. Источниковая база включает как классические исследования данного вопроса (С.М. Соловьев), мемуары и воспоминания, так и современные изыскания (П.В. Стегний и др.). Методы исторической ретроспекции, хронологического и проблемно-аналитического подходов позволяют смоделировать вероятность альтернативного варианта истории: сглаживание противоречий между двумя славянскими странами и возвращение Польше самостоятельности.

Ключевые слова: Российская империя, Речь Посполитая, императрица Екатерина II, заговор, убийство Павла I, цесаревич Константин, беспутство.